e-ISSN 3060-5059

DOI: 10.67227

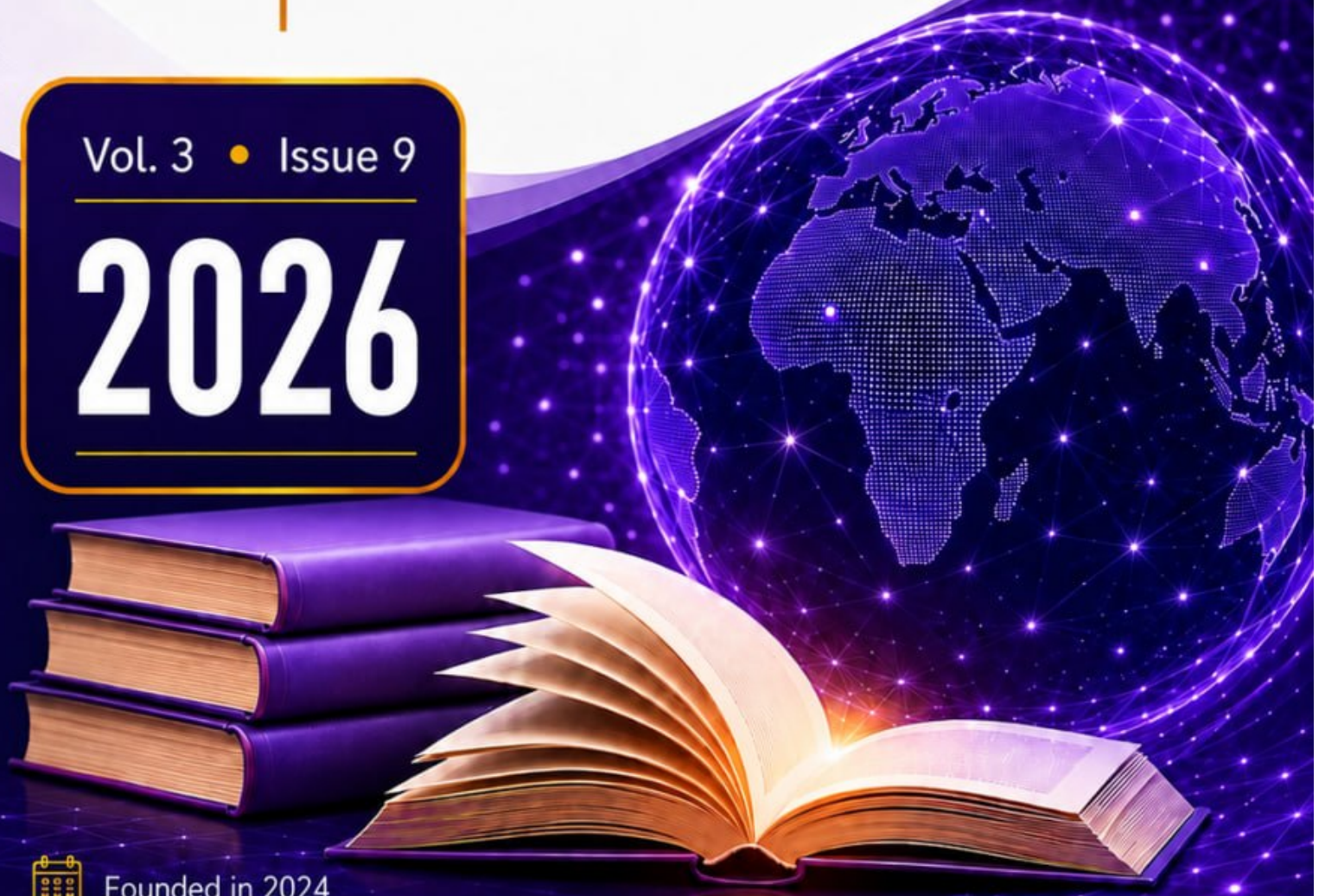
IJTIMOIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNAL

Scientific and Innovative Research in Social and Humanitarian Studies

Vol. 3 • Issue 9

2026



Founded in 2024

publishscience.uz | publish_science_journal@mail.ru

PEER REVIEWED • OPEN ACCESS

ISSN 3060-5059 (Online)
Article / Original paper https://doi.org/10.67227/1nnyaa54

O‘ZBEKISTON SSR XO‘JALIK TIZIMIDA XOTIN-QIZLAR MEHNATI: IQTISODIY SIYOSAT VA BANDLIKNI TASHKIL ETISH XUSUSIYATLARI

Orziyeva Kamola Sayidmurodovna
Buxoro davlat universiteti, tayanch doktorant.
e-mail: k.orzieva@buxdu.uz **ORCID**: https://orcid.org/0009-0005-4213-0684

Annotatsiya.
Maqolada 1950–1980-yillarda O‘zbekiston SSR xo‘jalik tizimida ayollar mehnatidan foydalanish jarayoni hamda ayollar bandligining shakllanish xususiyatlari tahlil qilinadi. Tarixiy manbalar asosida ayollarni ishlab chiqarishga keng jalb etishning asosiy omillari, ularning sanoat, qishloq xo‘jaligi va xo‘jalikning boshqa tarmoqlaridagi faoliyati, kasbiy tayyorgarligi, rahbarlik lavozimlaridagi ishtiroki va mehnat sharoitlari ko‘rib chiqiladi. Shuningdek, iqtisodiy ehtiyojlar, davlat siyosati va jamiyatda ayollarning mehnat sohasidagi mavqei o‘zaro ta’siri natijasida ayollar bandligining shakllanish jarayoni yoritiladi.
Kalit so‘zlar: O‘zbekiston SSR, ayollar, mehnat resurslari, bandlik, kasbiy tayyorgarlik, rahbarlik lavozimlari, mehnatni muhofaza qilish, xo‘jalik tizimi.

ТРУД ЖЕНЩИН В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ УЗБЕКСКОЙ ССР: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАНЯТОСТИ

Орзиева Камола Сайидмуродовна
Бухарский государственный университет, базовый докторант.

Аннотация.
В статье анализируется процесс использования женского труда в хозяйственной системе Узбекской ССР в 1950–1980-е годы, а также особенности формирования женской занятости. На основе исторических источников рассматриваются основные факторы широкого вовлечения женщин в производство, их деятельность в промышленности, сельском хозяйстве и других отраслях хозяйства, профессиональная подготовка, участие в руководящей деятельности и условия труда. Кроме того, раскрывается процесс формирования женской занятости под воздействием взаимодействия экономических потребностей, государственной политики и положения женщин в сфере труда в обществе.
Ключевые слова: Узбекская ССР, женщины, трудовые ресурсы, занятость, профессиональная подготовка, руководящие должности, охрана труда, хозяйственная система.

WOMEN’S LABOR IN THE ECONOMIC SYSTEM OF THE UZBEK SSR: ECONOMIC POLICY AND FEATURES OF EMPLOYMENT ORGANIZATION

Orziyeva Kamola Sayidmurodovna
Bukhara State University, PhD Student.

Abstract.
The article analyzes the use of women’s labor in the economic system of the Uzbek SSR during the 1950s–1980s, as well as the specific features of the formation of female employment. Based on historical sources, the study examines the main factors behind the widespread involvement of women in production, their participation in industry, agriculture, and other sectors of the economy, professional training, involvement in managerial positions, and working conditions. In addition, the article explores the formation of female employment as a result of the interaction between economic needs, state policy, and the position of women in the sphere of labor within society.
Keywords: Uzbek SSR, women, labor resources, employment, professional training, managerial positions, occupational safety, economic system.

Введение. После Второй мировой войны процессы восстановления народного хозяйства, расширения промышленного производства и реорганизации сельского хозяйства в СССР обусловили резкое увеличение потребности в трудовых ресурсах. В условиях централизованной системы планирования одним из важных направлений удовлетворения этой потребности стала политика широкого вовлечения женщин в производственный процесс. В Узбекской ССР данный процесс был тесно связан со специализацией республики на хлопководстве, развитием новых отраслей промышленности и увеличением объемов производства. В результате доля женщин в народном хозяйстве постоянно возрастала. Однако количественный рост их занятости в производстве не сопровождался пропорциональным повышением уровня профессиональной квалификации, расширением их представленности в системе управления и улучшением условий труда. В связи

ISSN 3060-5059 (Online)

с этим анализ использования женского труда не только через показатели занятости, но и в контексте экономических механизмов централизованной хозяйственной системы приобретает особую научную и практическую значимость.

Если занятость женщин в народном хозяйстве Узбекской ССР систематически возрастала, то почему этот процесс не привел к соответствующему улучшению их профессионального развития, представленности в системе управления и условий труда? Поиск ответа на данный вопрос позволяет рассматривать в статье женский труд не только как социальное явление, но и как важный элемент механизма мобилизации и распределения трудовых ресурсов в условиях централизованной плановой экономики.

Литература и методология

Источниковую базу исследования составили документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Узбекистан и других архивных фондах, нормативно-правовые акты Узбекской ССР, правительства и партийных органов, материалы периодической печати, а также научная литература по теме исследования.

Проблема женского труда в Узбекской ССР еще в советский период стала одним из значимых направлений исторических, социальных и политических исследований. В ранних работах она преимущественно рассматривалась в контексте политики советской власти по «освобождению» женщин, их вовлечению в общественную жизнь и обеспечению участия в строительстве нового общества. В частности, в работе Р. Х. Аминовой «Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане», посвященной «женскому вопросу» в Узбекистане, на основе широкого фактического материала анализировались политическая и общественная активность женщин, а также политика советского государства по их вовлечению в общественную жизнь. Значение данного исследования заключается в том, что деятельность женщин рассматривалась не как обособленное явление, а в связи с более широкими социальными преобразованиями, осуществлявшимися государством.

На последующем этапе советской историографии акцент постепенно сместился на представление женщин не только как активных субъектов общественной жизни, но и как участниц производственного процесса. Уже само название работы Р. А. Убайдуллаевой «Вклад женщин в ускорение социально-экономического развития» свидетельствует о придании проблеме экономического содержания. В ней женский труд рассматривался как фактор ускорения социально-экономического развития общества. В работе В. Г. Чеботаревой «Узбекистон хотин-қизлари – янги жамиятнинг актив қурувчилари» женщины представлены как активные участницы строительства нового общества. Вместе с тем именно здесь проявляется внутреннее противоречие советской историографии: рост занятости зачастую рассматривался сам по себе как показатель общественного прогресса, тогда как качественные характеристики этого процесса — структура занятости, характер и тяжесть труда, уровень заработной платы, возможности профессионального роста и реальное участие женщин в управленческих должностях — анализировались значительно меньше.

Во второй половине 1980-х годов в исследованиях и публицистике постепенно усиливается внимание к практическим сторонам положения женщин. В статье С. Султановой «Больше внимания вопросам труда и быта женщин» рассматриваются вопросы условий труда и повседневной жизни женщин, тогда как статья З. Тураходжаевой «О женском труде в общественном производстве» непосредственно обращается к участию женщин в общественном производстве. Существенным моментом этих работ является отход от представления о самом факте вовлечения женщин в производство как о достаточном показателе их социального положения: внимание переносится также на необходимость улучшения условий труда и быта. Однако и в этих исследованиях женский труд еще не получил целостного анализа как составляющая экономического процесса, непосредственно связанная с потребностями централизованной хозяйственной системы в трудовых ресурсах, отраслевой структурой занятости и механизмами государственного планирования.

В зарубежной историографии проблема рассматривалась несколько с иной точки зрения. Особое значение в этом отношении имеет статья Нэнси Лубин «Women in Soviet Central Asia: Progress and Contradictions», опубликованная в 1981 году в журнале *Soviet Studies*. Автор рассматривает изменение положения женщин в Центральной Азии не только как «положительный результат» советской политики, но и как одновременный процесс достижений и противоречий. Особенно важным в подходе Лубин является то, что количественный рост числа женщин, занятых в производстве, не отождествляется с автоматическим улучшением их положения в сфере труда. В частности, в исследовании значительное место занимают вопросы отраслевой и профессиональной структуры женского труда в промышленности Узбекистана, высокой доли ручного труда и различий в уровне заработной платы. В этом отношении исследование Лубин непосредственно соприкасается с рассматриваемой в нашей статье проблемой расхождения между количественным ростом и качественными изменениями. Вместе с тем, поскольку исследование охватывает Центральную Азию в целом, возможности углубленного анализа внутриотраслевой специфики хозяйственной системы Узбекской ССР, в частности соотношения занятости женщин в промышленности и сельском хозяйстве, остаются ограниченными.

Работа Нэнси Лубин «Labour and Nationality in Soviet Central Asia: An Uneasy Compromise» выводит данную проблематику в более широкий экономико-демографический контекст. Последующие исследования также обращались к этой работе как к значимому труду для объяснения вопросов обеспечения рабочей силой и использования трудовых ресурсов в советской Центральной Азии. Подход Лубин позволяет рассматривать женский труд за пределами традиционного понятия «женского вопроса» — на пересечении рынка труда, демографических процессов, национального состава населения и потребностей хозяйственного развития.

ISSN 3060-5059 (Online)

Исследование Артемия М. Калиновского «Exceptions to Socialism: Gender, Ethnicity, and the Transformation of Soviet Development in Comparative Perspective» развивает данное направление анализа. Автор показывает, что в 1970–1980-е годы советские планировщики стали все более скептически оценивать возможности вовлечения сельских женщин Центральной Азии, в частности женщин Узбекистана, в традиционные формы промышленного труда. В этих условиях такие формы занятости, как надомный труд, ремесленное производство, семейный подряд и другие нестандартные виды трудовой деятельности, постепенно стали рассматриваться как инструменты экономической политики.

Подход Калиновского отличается от подхода Лубин тем, что позволяет увидеть не только участие женщин в производстве, но и причины, по которым государственное планирование оказалось вынуждено корректировать первоначальную универсальную модель организации труда. Тем самым внимание переносится с простого расширения женской занятости на адаптацию экономической политики к демографическим, социальным и культурным особенностям региона.

В исследованиях последних лет, посвященных истории Узбекистана, проблематика постепенно отходит от официальных идеологических интерпретаций советского периода. В статье Г. Болтаевой «The Social Status of Women in Uzbekistan During the Soviet Period» трудовая деятельность женщин рассматривается во взаимосвязи с повседневной жизнью, продолжительностью рабочего времени, охраной труда, заработной платой, отпусками, вопросами материнства и детства. Вместе с тем охват советского периода в целом ограничивает возможности последовательного прослеживания изменений в отраслевой и профессиональной структуре женской занятости в 1950–1980-е годы.

Исследование Д. А. Ийманoвой и К. И. Камбарова, опубликованное в 2026 году, связывает трудовую деятельность женщин с кадровой политикой и процессами индустриализации. Одновременно отмечаются недостаточная обеспеченность надлежащими условиями труда, бытовыми ресурсами и социальными гарантиями. Работа Ф. Каюмовой «The Role of Women's Labor in the Informal (Shadow) Economy of the Uzbek Soviet Socialist Republic (1930–1980s)» раскрывает другую, зачастую остающуюся вне исследовательского поля сторону проблемы. В ней домашний труд, ремесло, торговля на черном рынке, деятельность в личных подсобных хозяйствах и семейном производстве рассматриваются как формы женской экономической активности, существовавшие за пределами официальной плановой экономики. Такой подход указывает на необходимость осторожной интерпретации официальных статистических показателей занятости. Иными словами, измерение экономической активности женщин исключительно количеством рабочих мест на государственных предприятиях отражает лишь часть реальной хозяйственной деятельности женщин.

Исследование проводилось на основе принципов историзма, объективности и системности. В работе использованы историко-сравнительный, проблемно-хронологический, историко-системный и статистический методы анализа. Их применение позволило комплексно проследить динамику развития женского труда, его взаимосвязь с централизованной экономической политикой, а также институциональные изменения, происходившие на различных исторических этапах. Статистические данные рассматривались не только как количественные показатели, но и как отражение определенных экономических и социальных процессов, содержание которых интерпретировалось с учетом конкретно-исторических условий. Такой подход позволил уточнить исторические причины расхождения между количественным ростом женской занятости и изменениями в сфере профессионального развития, участия в управлении и условий труда.

Результаты

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

- женский труд в республике широко использовался практически во всех основных отраслях хозяйства. В частности, на протяжении рассматриваемого периода увеличивалась занятость женщин в промышленности, торговле и сельском хозяйстве. На отдельных предприятиях производственный процесс в значительной степени основывался именно на женском труде;
- доля женщин на руководящих должностях и в сфере высококвалифицированных специальностей оставалась невысокой. В сельском хозяйстве возможности профессионального продвижения женщин также были ограничены: численность женщин-механизаторов и женщин, занимавших руководящие должности, оставалась сравнительно небольшой;
- к 1980-м годам значительная часть женского труда осуществлялась во вредных условиях — в помещениях с высокой запыленностью и загазованностью, повышенным уровнем шума, а также на работах, требовавших значительных физических усилий. Нарушения требований охраны труда, широкое привлечение женщин к работе в ночные смены и недостаточная обеспеченность производственной инфраструктурой отрицательно сказывались на их здоровье и уровне социальной защищенности;
- недостатки в системе образования и профессиональной подготовки ограничивали возможности формирования женщин как квалифицированных специалистов и их последующего продвижения в профессиональной сфере.

Обсуждение.

1. Расширение женской занятости и ее экономические факторы

После Второй мировой войны восстановление народного хозяйства и увеличение объемов производства в кратчайшие сроки стали приоритетными направлениями экономической политики Советского Союза. Резкое сокращение численности трудоспособного мужского населения вследствие военных потерь привело к

ISSN 3060-5059 (Online)

дефициту рабочей силы в промышленности и сельском хозяйстве. В этих условиях централизованная система планирования стремилась максимально мобилизовать имевшиеся трудовые ресурсы. Вовлечение женщин в производственные отрасли стало рассматриваться как экономическая необходимость и превратилось в одно из важных направлений государственной политики в сфере труда. В Узбекской ССР данная политика непосредственно связывалась со стратегической ролью республики как поставщика хлопкового сырья в масштабах всего Союза. В частности, в промышленности существенно увеличивалась численность женщин. Так, на фабрике имени В. Володарского и заводе «Строммашина» в Андижане за короткий период число женщин-узбечек увеличилось почти в три раза. В Самаркандской области доля представителей местного населения среди занятых в промышленности выросла с 7,1 до 19,7 %, а доля женщин – с 21,2 до 40,6 % [1; С.150.]. Приведенные показатели свидетельствуют о том, что в условиях послевоенного дефицита рабочей силы промышленные предприятия все в большей степени стремились восполнять потребность в рабочей силе за счет женщин.

Вместе с тем общий рост занятости не устранил проблемы, связанные с национальным составом рабочей силы и подготовкой квалифицированных кадров в республике. В 1951 году среди 105,4 тыс. женщин, занятых в промышленности, лишь 7,4 % составляли узбечки, причем на крупных промышленных предприятиях этот показатель был еще ниже. Так, на Чирчикском электрохимическом комбинате работали 24 узбечки, а на Чирчикском заводе сельскохозяйственного машиностроения – лишь 14. Данная ситуация свидетельствует о том, что политика вовлечения женщин в промышленное производство не охватывала различные социальные группы в равной степени. Ограниченные возможности получения местными женщинами технического образования, формирование квалифицированных кадров преимущественно за счет специалистов, прибывавших из других регионов, а также высокая квалификационная требовательность промышленного производства сдерживали их участие в более сложных производственных процессах.

В целях сокращения данного дисбаланса постановлением Совета Министров Узбекской ССР и специальным приказом Министерства легкой и пищевой промышленности Узбекской ССР в 1953 году была поставлена задача более широкого привлечения местных женщин к промышленному производству. Однако принятые меры были направлены прежде всего на увеличение численности женщин, вовлеченных в производство, и не создали в достаточной степени институциональных механизмов для повышения их профессиональной подготовки, систематического совершенствования квалификации и продвижения по служебной лестнице. В 1960-е годы эта политика получила дальнейшее развитие. В промышленности республики на 1963-1965 годы предусматривалось дополнительное увеличение численности женщин на 60 тыс. человек [2; С.97.]. Сам факт выделения численности женщин в плановых документах в качестве отдельного показателя свидетельствует о том, что женский труд рассматривался не только как объект социальной политики, но и как важный экономический ресурс, призванный обеспечивать выполнение производственных планов. При этом вопросы повышения профессиональной квалификации, подготовки женщин к занятию руководящих должностей и улучшения условий труда в этих документах оставались второстепенными.

В 1970-1980-е годы данная тенденция сохранялась. В республике на каждую тысячу женщин 210 были заняты в народном хозяйстве, а к 1988 году женщины составляли более 43 % рабочих и служащих, 53 % занятых в городской промышленности и почти половину среднегодовой численности колхозников. Однако эти показатели отражали не столько укрепление институционального положения женщин в хозяйственной системе, сколько устойчивое сохранение потребности централизованной экономики в трудовых ресурсах.

Таким образом, начиная с послевоенного периода расширение женской занятости в Узбекской ССР определялось прежде всего экономическими механизмами централизованной плановой экономики, направленными на восполнение дефицита трудовых ресурсов и обеспечение выполнения производственных планов. Поэтому количественный рост занятости женщин не сопровождался пропорциональным расширением возможностей их профессионального развития, участием в системе управления и улучшением условий труда.

2. Несоответствия в системе профессиональной подготовки и повышения квалификации

Массовое вовлечение женщин в производственный процесс обусловило необходимость развития их профессиональной подготовки. В связи с возрастанием потребности в квалифицированной рабочей силе в промышленности, строительстве, на транспорте и в сельском хозяйстве государством были внедрены различные формы профессионального обучения. Через профессионально-технические училища, фабрично-заводские школы, краткосрочные производственные курсы, а также практическую подготовку непосредственно на предприятиях осуществлялось массовое обучение женщин рабочим профессиям. Однако основной задачей данной системы было не обеспечение долгосрочного профессионального развития женщин, а подготовка в короткие сроки необходимой рабочей силы для выполнения производственных планов.

В первые послевоенные годы доля женщин в системе профессионального обучения заметно увеличилась. Вместе с тем основная часть подготовленных специалистов направлялась в легкую, текстильную и пищевую промышленность, а также на профессии, связанные с обслуживанием сельскохозяйственного производства. В технически сложных отраслях – машиностроении, энергетике, химической промышленности и других производствах, требовавших высокой квалификации, доля женщин, особенно представительниц местного населения, оставалась сравнительно низкой. Это показывает, что система профессиональной подготовки, с одной стороны, выполняла задачу вовлечения женщин в производство, но, с другой, не обеспечивала в полной мере их подготовку в качестве высококвалифицированных специалистов для

ISSN 3060-5059 (Online)

технологически сложных и стратегически значимых отраслей экономики.

В 1960-1970-е годы численность женщин в высших и средних специальных учебных заведениях республики последовательно возрастала. Расширялась подготовка женщин-специалистов по инженерным, агрономическим, экономическим, медицинским и педагогическим направлениям. Вместе с тем в высших учебных заведениях, готовивших кадры для сельского хозяйства, высокой оставалась доля городской молодежи, тогда как удельный вес женщин из числа местных национальностей был невысоким. Это свидетельствует об ограниченности возможностей получения образования сельскими женщинами, а также о том, что традиционный уклад жизни и социальная среда создавали серьезные препятствия для их поступления в высшие учебные заведения. Так, среди студентов дневного отделения Ташкентского сельскохозяйственного института более 16 % составляли жители Ташкента. Еще более заметным был данный дисбаланс в Ташкентском институте инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства. Здесь 36 % студентов дневного отделения составляли городские жители, а из общего числа 1964 студентов лишь 51 человек приходился на женщин – представительниц местных национальностей [3; С.38.]. Уже эти цифры показывают крайне низкую представленность узбекских женщин среди квалифицированных кадров, готовившихся для сельскохозяйственной отрасли.

В колхозном производстве также ставилась задача расширения численности женщин среди механизаторов. Практическим выражением этой политики стали совместное постановление ЦК КП Узбекистана и Совета Министров Узбекской ССР от 18 марта 1960 года «Об организации обучения женщин, желающих заниматься машинной уборкой хлопка», а также постановление от 3 января 1963 года «О дальнейшем улучшении подготовки кадров механизаторов в республике». Однако реализация этих решений зачастую была ориентирована прежде всего на количественные показатели, тогда как качественные и социальные аспекты отодвигались на второй план. Инициативы по привлечению женщин к работе механизаторами в сельской местности далеко не всегда сопровождались одновременно сокращением их бытовой нагрузки и созданием условий для полноценной профессиональной подготовки. В результате женщины нередко привлекались к работе после краткосрочного обучения, не обеспечивавшего достаточной подготовки к эксплуатации сложной техники.

При этом увеличение числа женщин с высшим образованием не привело к коренному изменению их функционального положения в производстве. На предприятиях они преимущественно занимали должности специалистов-исполнителей или работников вспомогательных служб, тогда как в сфере технологического управления, планирования производства и принятия инженерно-технических решений сохранялось преобладание мужчин. Одним из факторов этого положения была централизованная система подбора и назначения кадров, а также сложившиеся институциональные подходы к отбору кандидатов на технические и руководящие должности.

Еще одной существенной особенностью системы профессиональной подготовки являлась ее жесткая подчиненность плановым заданиям. Основной целью программ повышения квалификации и переподготовки было формирование профессиональных навыков, необходимых для оперативного удовлетворения текущих потребностей производства. Поэтому широко применялась практика привлечения женщин в производство после прохождения краткосрочных курсов. В результате приоритет отдавался не углубленной специализации женщин в конкретной профессии, а быстрому приспособлению имеющихся трудовых ресурсов к текущим потребностям производства.

Таким образом, система профессиональной подготовки женщин в Узбекской ССР являлась важным фактором расширения их занятости, однако не обеспечила их пропорционального вовлечения в отрасли экономики, требовавшие высокой квалификации и имевшие стратегическое значение. Основная причина заключалась в том, что политика профессионального обучения и повышения квалификации была ориентирована преимущественно не на долгосрочное профессиональное развитие личности, а на удовлетворение текущей потребности централизованной плановой экономики в трудовых ресурсах. В результате система профессиональной подготовки поддерживала количественный рост женской занятости, но не обеспечивала сопоставимого увеличения доли женщин среди высококвалифицированных специалистов и руководящих кадров. Именно это несоответствие стало одним из существенных факторов, определивших в последующий период ограниченное участие женщин в системе управления.

3. Участие женщин в системе управления и на должностях специалистов: институциональные ограничения

Несмотря на последовательное увеличение доли женщин в производственном процессе, данный процесс не получил пропорционального отражения в их представленности на руководящих должностях и в сфере высококвалифицированных специальностей. Хотя советское законодательство и официальные документы провозглашали равенство трудовых прав мужчин и женщин, на практике отбор и назначение руководящих кадров осуществлялись в рамках централизованной административной системы управления и номенклатурного механизма. В результате, несмотря на рост производственной активности женщин, их доля на должностях, связанных с принятием управленческих решений, оставалась сравнительно низкой. Особенно наглядно диспропорция в представительстве женщин на руководящих и специализированных должностях в сельском хозяйстве проявляется в статистических данных. Так, в 1983 году в Узбекистане должность председателя колхоза занимали всего 38 женщин. Из 880 директоров совхозов лишь 24 являлись женщинами. На должностях заместителей женщины были представлены несколько шире, однако и это не изменило общей

ISSN 3060-5059 (Online)

картины. В частности, из 853 заместителей председателей колхозов 192 были женщинами, а среди 376 заместителей директоров совхозов насчитывалось 194 женщины.

Ограниченной оставалась доля женщин и на должностях руководителей низшего и среднего звена. Из 212 начальников управлений 59 составляли женщины, среди 4 119 заведующих фермами женщин было лишь 125, а из 34 455 бригадиров — 1 376 женщин. Анализ этих показателей показывает, что женщины преимущественно были сосредоточены на исполнительных должностях и в сфере специалистов среднего звена — среди бригадиров, лаборантов, экономистов, агрономов, учителей и представителей других профессий. В то же время на должностях директоров предприятий, главных инженеров, главных агрономов, главных экономистов и руководителей в системе министерств сохранялось преобладание мужчин. Данная ситуация объяснялась не столько недостаточным уровнем квалификации женщин, сколько институциональными особенностями формирования руководящих кадров и системы их назначения.

Хотя среди специалистов-исполнителей доля женщин была несколько выше, и здесь полного равновесия не наблюдалось. Среди 6 664 агрономов женщины составляли 312 человек, среди 2 002 зоотехников — 83, среди 1 482 ветеринарных врачей — 115, а среди 2 344 ветеринарных фельдшеров — 197 женщин. Из 7 742 инженеров, работавших в сельском хозяйстве, женщинами были лишь 118 человек. Эти показатели наглядно свидетельствуют о концентрации женщин преимущественно на должностях низшего и среднего звена при их ограниченном присутствии на позициях, связанных с принятием стратегических решений.

Диспропорция в представительстве женщин на руководящих должностях была обусловлена несколькими факторами. Во-первых, отбор и подготовка руководящих кадров осуществлялись под контролем партийных органов, при этом политическая благонадежность, производственный опыт и принадлежность к номенклатурной системе являлись одними из основных критериев продвижения. Во-вторых, семейно-бытовые обязанности, возложенные на женщин, ограничивали время и возможности, необходимые для руководящей деятельности. В-третьих, сохранявшееся преобладание мужчин в технических и промышленных направлениях находило отражение и в составе кандидатов на руководящие должности. В результате, несмотря на закрепленное законодательством равенство трудовых прав, участие женщин в системе управления на практике оставалось ограниченным.

Вместе с тем государством предпринимались определенные меры по привлечению женщин на руководящие должности. На республиканском и местном уровнях принимались решения, направленные на увеличение числа женщин-руководителей, их направление на курсы повышения квалификации и включение в резерв управленческих кадров. Однако данные меры не обеспечили системного результата, поскольку не затрагивали основополагающие критерии отбора руководящих кадров и принципы функционирования номенклатурной системы. Поэтому, несмотря на отдельные положительные изменения, существенного перелома в общей структуре руководящих кадров не произошло.

Если рассматривать данный процесс с экономической точки зрения, становится очевидно, что главным приоритетом централизованной системы планирования оставалось выполнение производственных заданий. В этих условиях более важным считалось максимально использовать трудовой потенциал женщин непосредственно в производстве, нежели расширять их участие в системе хозяйственного управления. В результате женщины, составлявшие значительную часть производственной рабочей силы, оставались недостаточно представлены на высших уровнях управления хозяйственной системой.

4. Условия труда и социальная защита: расхождение между количественным ростом занятости и качественными показателями

Увеличение доли женщин в производстве не означало пропорционального улучшения их условий труда и социальной защищенности. Хотя советское трудовое законодательство предусматривало такие социальные гарантии, как отпуска по беременности и родам, льготы для женщин, имеющих детей, а также ограничения на использование женского труда на отдельных видах тяжелых работ, их практическая реализация во многом определялась потребностями производства. Особенно в Узбекской ССР, где приоритетное развитие хлопководства и легкой промышленности обусловило широкое использование женского труда, тяжелые и вредные условия труда сохранялись на протяжении длительного времени. Это свидетельствует о наличии определенного несоответствия между политикой охраны труда и производственными интересами.

В сельском хозяйстве женщины преимущественно были заняты на работах, где преобладал ручной труд. Значительная часть таких операций, как прореживание хлопчатника, прополка, сбор хлопка и первичная обработка урожая, оставалась недостаточно механизированной, вследствие чего физическая нагрузка на женщин сохранялась на высоком уровне. Если в промышленности республики доля ручного труда составляла 35,3 %, то среди женщин этот показатель достигал 42,5 % [4; с. 2]. Следовательно, тяжелый физический труд в большей степени приходился именно на женщин.

Подобное положение имело несколько причин. Во-первых, на производствах, где преобладал женский труд, уровень технической оснащенности оставался относительно низким. В таких отраслях, как текстильная, швейная и пищевая промышленность, передовые технологии внедрялись медленно, а условия и режим труда существенно уступали соответствующим показателям ведущих отраслей промышленности. Преимущественное использование женского труда в легкой промышленности оценивалось главным образом с точки зрения производственных показателей, тогда как повседневные условия труда и инфраструктурные проблемы учитывались недостаточно. Так, на Андижанской трикотажной фабрике из более чем 1 500 работников свыше 1 300 составляли женщины [5; с. 5]. В промышленности же на предприятиях текстильной,

швейной и пищевой отраслей сохранялись многосменный режим работы, производственный шум, воздействие пыли и химических веществ, создававшие дополнительные риски для здоровья женщин.

К 1988 году в республике 145 тыс. рабочих мест не соответствовали требованиям охраны труда. В условиях повышенного шума, запыленности и загазованности, недостаточного освещения и несоблюдения температурных норм работали 112,5 тыс. женщин. Еще 43,8 тыс. женщин привлекались к работе в ночные смены [6; с. 12]. Эти данные свидетельствуют о существенном расхождении между нормативными требованиями, закрепленными в законодательстве, и реальной практикой организации труда.

На примере Навоийской области проблемы охраны женского труда, социальной справедливости и гендерного неравенства проявляются не как отдельные случаи, а как системные недостатки, характерные для хозяйственной системы в целом. В частности, на заводах Навоийской области 670 женщин работали во вредных производственных условиях, еще 700 — в условиях сильной загазованности и запыленности воздуха. Около 5 тыс. женщин были заняты на предприятии «Навоиазот», 1 200 — на электрохимическом заводе. На цементном заводе доля женщин среди общей численности работников составляла 40 % [7; с. 64]. Однако именно на этих предприятиях продолжали сохраняться вредные условия труда, тогда как механизмы социальной защиты и охраны здоровья работников действовали недостаточно эффективно. На Навоийской птицефабрике женщины регулярно привлекались к сверхурочным работам. Недостаточное соблюдение требований охраны труда отмечалось также на Кызылтепинской фабрике товаров народного потребления и Нуратаинской швейной фабрике, входившей в систему местной промышленности области.Существенно, что принимаемые решения по охране женского труда зачастую подчинялись задачам повышения производственной эффективности. Поскольку первостепенной задачей для предприятий и хозяйств являлось своевременное выполнение плановых заданий, в отдельных случаях производственные показатели ставились выше необходимости улучшения условий труда. В результате практическая эффективность социальных гарантий, предусмотренных законодательством, существенно различалась в зависимости от конкретной отрасли и региона.Кроме того, занятость женщин в производстве не сопровождалась уменьшением их семейно-бытовых обязанностей. Поскольку основная часть работы по ведению домашнего хозяйства, воспитанию детей и выполнению повседневных бытовых обязанностей по-прежнему оставалась на женщинах, они одновременно несли дополнительную социальную нагрузку. В результате сокращались их возможности для повышения квалификации, подготовки к руководящей деятельности и участия в научно-технической работе. Это показывает, что при оценке условий труда необходимо учитывать не только деятельность женщин непосредственно на производстве, но и совокупную трудовую нагрузку, формировавшуюся под воздействием производственных и семейно-бытовых обязанностей.

Заключение. Результаты исследования показывают, что расширение женской занятости в Узбекской ССР являлось прежде всего не самостоятельным направлением социальной политики, ориентированным на обеспечение гендерного равенства, а составной частью стратегии мобилизации трудовых ресурсов централизованной плановой экономики. В послевоенные годы дефицит рабочей силы, необходимость сохранения темпов индустриализации и высокая потребность в труде в хлопководстве, составлявшем основу аграрной специализации республики, превратили массовое вовлечение женщин в производственный процесс в экономическую необходимость.Проведенный анализ показывает, что последовательный рост женской занятости не сопровождался пропорциональным качественным развитием профессиональной подготовки, участия женщин в системе управления и условий труда. Несмотря на реализацию государством ряда мер по расширению профессионального образования, привлечению женщин на руководящие должности и охране их труда, эти меры не изменили основополагающих принципов централизованного хозяйственного управления. В результате женщины стали важным компонентом производственных трудовых ресурсов, однако их представленность в сфере высококвалифицированных специальностей и в системе управления не увеличивалась теми же темпами, что и общая занятость.Важным результатом исследования является выявлние непосредственной связи между специализацией Узбекской ССР в общесоюзном разделении труда на хлопководстве и особенностями использования женского труда. Быстрое расширение занятости женщин в трудоемких отраслях сельского хозяйства и легкой промышленности, с одной стороны, и сохранение относительно низкой их доли в научно-технической деятельности, высококвалифицированном производстве и системе управления, с другой, отражали структурные особенности экономики республики.Таким образом, результаты исследования обосновывают необходимость рассматривать женский труд в Узбекской ССР не только в рамках политики гендерного равенства, но и в тесной связи с институциональными механизмами советской плановой экономики. Именно такой подход позволяет целостно объяснить исторические причины устойчивого несоответствия между количественным ростом женской занятости и возможностями их профессионального развития, участия в управлении и улучшения условий труда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 418. Л. 150.
2. Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. Р-837. Оп. 41. Д. 1655. Л. 97.
3. Государственный архив Бухарской области. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 1202. Л. 38.
4. *Правда Востока.* – 1989. – 8 марта.
5. Государственный архив Навоийской области. Ф. Ш-1. Оп. 1. Д. 328. Л. 5.
6. Aminova R. *Qayta qurish sharoitida O'zbekistonda sotsial rivojlanishning dolzarb muammolari.* – Toshkent: Fan, 1991.
7. Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. Р-91. Оп. 11. Д. 1878. Л. 64.